

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Литературная хроника

1 № «Современника» на нынешний год давно уже всеми прочтен и потому вышел из ряда литературных новостей, которые должны составлять содержание нашей «Литературной хроники». Но не столько новое, сколько примечательное, в каком бы то ни было значении, составляет постоянный и главный предмет библиографического отделения «Наблюдателя», а пока в «Современнике» будет хотя одна строка Пушкина, хотя недоконченные полстиха, он не перестанет быть для нас явлением примечательным, в хорошем значении этого слова.

Начнем по порядку – с прозаических статей. Первая из них и по порядку, и по достоинству, и по содержанию есть статья В. А. Жуковского «Путешествие по России его императорского высочества государя наследника цесаревича». Мы не можем оценить настоящим образом этой превосходной статьи иначе, как сделав из нее выписки, которые могли бы дать понятие о ее духе и содержании, не говорим – о ее литературном достоинстве: ее писал Жуковский.

В современной истории России (говорит знаменитый автор статьи) 1837 год достопамятен по многим происшествиям. Но ни одно из них не представляло такой радостной неожиданности, такую умирительного зрелища, как путешествие его императорского высочества государя наследника цесаревича. Оно оживотворило последние годы поколения отживающего и окрило веселою надеждою все грядущее поколения возникшего. Пройдет много лет, а в немолчных преданиях оно будет жить, как живут рассказы о том, чем было разогрето сердце всего народа. Новые пришельцы в свет позавидуют нам, современникам.

С воспоминанием этого происшествия прежде всего наполняет душу мысль о том, кому Россия обязана этим счастьем. Каждый отец убежден чувствами собственного сердца, что августейший родитель высокого путешественника полным самоотвержением ознаменовал любовь свою к подданным. Еще расцветающему юноше он указал подвиг, требующий сил мужества. Из объятий нежнейших матери, сестер и братьев, от жизни мирной и счастливой, где легкие труды сменялись отдыхом и привычными забавами, он вызвал его на обширное поприще забот, лишений и непрерывной деятельности.

По России можно путешествовать для рассеянности, для удовольствия, как путешествуют в южных европейских государствах. Она, слава богу, разнообразна и обширна. Не таково было предназначение путешествия государя цесаревича. Мысль его родителя обнимала одно благо народа и священное призвание наследника престола. Обозреть наибольшее пространство государства, особенно края, самые отдаленные от столиц; ближайшим образом познакомиться с теми местами, которые составляют средоточие населенности или исключительной промышленности народа; настигнуть, сколько позволит время и направление пути, любопытнейшие сроки торговых съездов и другие местные эпохи: вот что предстояло в путешествии.

Познание всякого государства есть предмет многосложнейший и, так сказать, нескончаемый. В отношении к России он представляется совершенно необъятным. Ее части раскинулись на таком пространстве; их особенности так поразительны; каждое племя жителей такую сохраняет самобытность в домашнем и общественном быту; история, языки, вероисповедание, нравы, увеселения, образованность, торговля и самые понятия о богатстве, благосостоянии так неожиданно меняются перед путешественником, что, объехав Россию, он может подумать, не объехал ли он весь свет.

Если бы за сто лет, представив картину такого государства, вменили в обязанность человеку обнять эти части и вынести из труда ясную и полную мысль обо всем, к чему должен был прикоснуться ум его, – без всякого сомнения, он бесплодно утратил бы силы свои в непроницаемом хаосе. Мы живем в счастливейшем веке. Наука познания государства созрела. Руководитель неограниченный, по словам поэта,

Наука сокращает

Нам опыты быстротекущей жизни.

· · · · ·
Как с облаков ты можешь обозреть

Все царство вдруг.

И для августейшего путешественника нашего наука была предметом занятий предварительных. Она ввела его в свою сферу и раскрыла перед ним свои сокровища. Но есть знание, которое необходимо самому образованному уму, знание, столь драгоценное даже для науки, что она, при его содействии, становится более человечною и вполне достигает своей цели. Это знание приобретает воззрением не на идеи, а на вещи. Оно приводит в деятельность все способности, все силы души;

от него пробуждаются все чувствования, двигатели деяний доблестных и великих. Из него возникают те внезапные и счастливые соображения и перемены, которые так изумительны по своей отчетливости, простоте и пользе. Если во всяком состоянии это знание сообщает уму окончательное совершенство и служит лучшим ручательством успехов, можно вообразить, как оно важно и как необходимо для особы, которой ум должен быть готов стать на каждой точке обширнейшей в свете монархии. Какими пособиями всех искусств можно перенести в душу человека то, что мгновенно, одним появлением своим, пробуждает в ней самый предмет? Звуки слов, буквы, очерки, цифры, все они улетают от нас без следов: в них менее предмет отражается, нежели в своей бесплотной тени. Взгляд на природу и гражданственность обитателей разных краев России необходимо должен был прояснить, дополнить и воплотить идеи царственного путешественника. Из огромной массы названий, чисел, бесцветных фигур образовалась для него прекрасная картина, или, справедливее сказать, все для него получило жизнь, движение, голос, цвет: теперь на каждый звук есть ответ в его воображении, уме и сердце.

Далее автор развивает мысль, почему для наследника престола нужно было избрать первым поприщем своего практического образования Россию, не потому только, что она то государство, во главу которого он предызбран провидением. Жалеем, что пределы журнальной статьи не позволяют нам дальнейших выписок, но не можем отказать себе в наслаждении повторить слова, которыми автор заключает свои мысли о цели и сущности путешествия:

Таким образом, вступление в общественную жизнь наследника престола было в некотором смысле обручением его с отечеством. Союз важный и восхитительный с обеих сторон: в нем торжественный залог и радостная надежда. Наследник престола обозрел будущее свое семейство; душа его полна мыслей о нем, которые в нем зреют. Народ ликует в неиспытанном восторге, ему суждено было насладиться лицезрением того, кто, не причастный ни единому его безрадостному помышлению, уже в имени своем соединяет все его радости. Встречая и провожая вождя, народ принес ему в дань лучшие дары свои: слезы умиления и чистую любовь. Все эти обстоятельства были следствием одной глубокой мысли, которую августейшему монарху внушила его отеческая попечительность о благе подданных.

После этого автор переходит к плану путешествия, в основе которого лежит глубокая и могучая мысль, а подробности и внешность носят отпечаток всеобъемлющей силы соображения.

В заключении статьи автор передает России драгоценный и священный для нее отзыв ее юной и милой надежды, ее будущего монарха:

Я своими глазами и вблизи познакомился с нашей матушкой Россией и научился еще более любить ее и уважать. Да, нам точно можно гордиться, что мы принадлежим России и называем ее своим отечеством.

Не много таких прекрасных слов сияют на вечных скрижалях истории и из рода в род передаются устами благодарного народа!..

«Последнее сражение Фигнера», статья г. Николая Неведомского, принадлежит к числу таких оригинальных статей, какими редко украшаются наши журналы. Мы прочли ее с живейшим наслаждением.

«Хроника русского в Париже» живо заинтересовывает читателя, и то, что составляет ее букет, – это именно небрежность и отрывочность, с какими она писана. Переделать ее в журнальную статью – значило бы испортить. Конечно, не худо было бы редакции исключить слово «дебаты» и «журнал дебатов», но только этим и должны ограничиться ее поправки. Отсутствие всякой последовательности, смесь фраз русских, французских, латинских, говорливость, пестрота и отсутствие всякого содержания при видимой полноте содержания – настоящий Париж, Вавилон нового человечества! Но все это нисколько не мешает автору сохранять свой образ мыслей и иметь здравые понятия о предметах, и это там, где хоть у кого так закружится голова, вследствие общего головокружения, составляющего основу народной жизни. Нам особенно понравилась тонкая насмешливость автора на счет Лерминье – говоруна и фразера, на которого Франция смотрит, как на великого философа. «Я заметил, что Лерминье, хотя все еще иногда сенсимонствует, но уже начинает с почтением отзываться и о римской церкви: «*Sans l'église que serait devenu le monde!*» – вскричал он громко и ударив крепко рукою по кафедре». Если бы мы присутствовали при чтении этой знаменитой лекции, то, право, не удержались бы, чтобы не попотчевать великого французского философа благим советом почтенного городничего Сквозника-Дмухановского: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне». Далее автор «Хроники» говорит о Лерминье:

При всем том лекции его составлены из каких-то темных намеков, которые Карамзин назвал бы полумыслями. Он слишком гоняется за эффектом, за блестящими фразами, которыми облекает самые пошлые идеи или сведения. «*Charles a disparu! Nous*

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru
trouvons le commencement de la France, de l'Allemagne, de l'Angleterre, de la Russie; nous y trouvons les principe rerum!» И вдруг после латинского изречения начинается рассказ об Англии так: «Cesar alia une fois voir l'Angleterre: c'est le genie romain qui la visita. Il fallait l'attirer a l'histoire» . Цезаря не поняли; даже Лукан в своей «фарсалии» критиковал его за то, что он без пользы был два раза в Англии! «Alfred introduit l'Angleterre dans la grande nationalite de l'Europe. Il reproduit Charlemagne; il traduit Boece (De Consolatione): voila comment s'ourdit la trame de la solidarity humaine» . В этой последней фразе есть что-то похожее на мысль; но в чем состояла тогда, при Альфреде Великом, великая народность Европы? Описывая состояние саксонцев-завоевателей, до появления Альфреда, Лерминье с важностью и отважно произнес: «Ils attendaient quelque chose!» Я усмехнулся... и пр. .

Как вам кажутся все эти фразы, эти фанфаронады, буффонады, эти ходули выражений и образов без мыслей и смысла? Франция называет это философией... Хороша философия!..

Но и этим еще не всё оканчивается: Лерминье, как говорит остроумный автор «Хроники», в College de France коверкает имена Гегеля, Шлегеля и Канта. Еще хорошо бы было и для него и для здравого смысла, если б он коверкал их только в College de France: к несчастью, его шарлатанство и наглость идут далее.

Не удивляемся нисколько, что автор «Хроники» говорит с маленькой насмешливостью о Ламартине; но удивляемся тому, что он еще как будто уважает его и потому боится, уж не слишком ли смеется над ним... Странное дело: неужели фразы в прозе заметнее стихотворных фраз? «Кстати о Ламартине, – говорит автор «Хроники». – Субботы его начались, но в салоне его толпятся депутаты, и политика заглушает литературу. На столе по-прежнему разбросаны брошюры, журналы и все произведения новейшей словесности во всех родах. Несмотря на исключительное господство политики в разговорах, иногда удается и литературе, а особливо поэзии, обратить на себя минутное внимание хозяина». Вот вам и поэзия!

Кстати: не угодно ли вам позабавиться Францией со стороны ее успехов в философии? – Академия нравственных наук предложила на 1839 год «критический разбор (чего бы вы думали?) немецкой философии»)!. Приз состоит в 1500 франков, да дело больше и не стоит, потому что для всякого истинного француза разобрать немецкую философию – все равно, что завоевать Россию – вздор, безделица! Вот программа:

1° faire connaitre, par des analyses etendues, les principaux systemes, qui ont para en Allemagne, depuis Kant inclusivement jusqu'a nos jours; 2° s'attacher principalement au systeme de Kant, qui est le principe de tous les autres; 3° apprecier cetto philosophic (легкое дело!), disciuer ies principes sur lesquels elle repose, les methodes, qu'elle employa, les resultats auxquels elle est parvenu, chercher la part d'erieur et la part de verite (?!), quis'y rencontrent, et ce qui, en derniere analyse, aux yeux d'une saine critique (вероятно, дуне critique du bon sens) peut legitimement subsister, suns une forme ou sous une autre, du mouvement philosophique en Allemagne .

Право, это напоминает инструкцию персидского посланника (в романе «Хаджи-Баба-Испагани в Персии и Турции») узнать – Англия постоянное ли жилище англичан, или только их летнее кочевье, Лондон в Англии или Англия в Лондоне...

Но сделаем последнюю выписку из этой статьи:

Я вмешался в разговор и другого моего соседа, который декламировал перед профессором Патенем о строгом наблюдении над методами преподавания в школах. От школ перешли мы и к университетам, то есть ко всем высшим училищам, которые входят в состав здешнего университета. Я отдавал справедливость немецким методам преподавания. Французы вступились за свои. Похваливши факультет точных и физических наук, я доказывал почти совершенное небытие других факультетов, исключая юридического, также весьма не полного. Взяв в пример науки или курсы исторические, я показал, что нет ни одного профессора, который бы обнимал вполне какую-либо часть истории. Из древней le Normand предлагает свои гипотезы о Египте; Летрон о колониях, о древней географии и торговле; Лерминье о том, что он прочел накануне; сам Форваль только об Испании. Где же студенты-слушатели найдут полную систему древней, или средней, или новейшей истории? Где найдут они указания на лучшие источники, на критические издания классических историков? Кто будет их руководителем в лабиринте монументов исторических? Кто остережет их от Гиббона, искажавшего факты в духе своего времени, или от Фишера, изобретавшего факты истории ганзеатического союза и наполнившего ее вымыслами, поддельными актами, которым поверил Шторх (подлог, открытый Шлецером)? Сосед мой горячился; но сосед соседа, профессор Патен, начинал уступать моим доказательствам и примерам. Желая, за французское интеллектуальное хлебосольство, смягчить негодование моего соседа, я перешел к похвале, самой искренней и невынужденной,

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru
достойного и достойных. Я напомнил о лекциях Кювье, Гизо и самого Вильмена, блистательного без методы, основательного в суждениях без глубокого исследования тех предметов, которых касался он на лету, порхая иногда, как ласточка, долу и касаясь низменных урочищ французской словесности, или возносясь, как орел, к Монтеке, Боссюэтам и Малебраншам, на высоты ее.

Кажется, что беспристрастие автора может ручаться за верность, с какою набросал он картину французской учености.

Мы должны упомянуть еще о трех статьях «Современника», хотя в нем их и гораздо больше. Так как мы решились однажды навсегда говорить более о том, о чем приятно говорить, а во всем прочем полагаться на красноречивую выразительность молчания, то и не стали бы говорить о двух статьях – «О литературных утратах» и «Праздник в честь Крылова», если бы они, отличаясь удивительною странностию и в выражении и в мыслях, а особливо первая, не заключали в себе много дельных мыслей, хорошо высказанных. Вот пример странности в мыслях: автор статьи смешивает между собою два совершенно различные понятия – поэта и литератора. Если одно и то же лицо может совмещать в себе и литератора и поэта, то труды этого лица должны быть рассматриваемы с двух совершенно различных точек зрения. Пушкин был поэт, по своим поэтическим произведениям, и Пушкин же был литератор, как издатель журнала и автор нескольких критических и полемических статей. Автор справедливо называет Шатобриана литератором, потому справедливо, что Шатобриан писал много, но ни поэтом, ни ученым никогда не был; но называть литератором Гете так же странно, как называть генералиссимуса Суворова прапорщиком Суворовым: если Гете был не только великий поэт, знаменитый ученый, но и примечательный литератор, то и Суворов, будучи генералиссимусом, был и прапорщиком, а будучи графом и князем, был и дворянином. Высшее достоинство уничтожает низшее, заключая его в себе. Гомер и Шекспир были поэтами, но не были литераторами. Право, между этими двумя достоинствами не меньшее расстояние, как и между прапорщиком и генералом.

О странностях в выражении разбираемой статьи мы не хотим распространяться, а скажем коротко, что ее слог иногда тяжел и темен. Вместо же всяких мелочных разбирательств выпишем места, особенно поразившие нас истиною и достоинством своего содержания.

Истинно великий современный писатель для нас, призванных с ним в один период умственной деятельности, является представителем того, что мы любим, к чему стремимся и чего надеемся. Он получил счастливый дар воплотить и в возможном совершенстве показать силы духовной производительности своего времени. Будучи индивидуален, как всякое лицо, он вместе выражает и общность века, потому что действует под современным влиянием. Умирая, он несравненно более уносит с собою от нас, нежели от потомства, для которого всегда останется жив. В потомстве из его творений составитя какая-то целость; их недвижность даст им вид полноты; по ним определяют тип века. Но мы, разъединенные с тем, кто действовал для нас и в ком наслаждались мы собственной жизнью, как в ровном и звонком пульсе движением нашей крови, мы с его утратою лишаемся навсегда собственных восторгов сердца. Навсегда... Другой талант, посланный в замену современника нашего, не принадлежит нам. Он будет отрадою и славою другого поколения, если судьба и ему также не откажет в том, чем наградила нас. В созданиях новой жизни, в движениях новой души, в гармонии обновленного языка нет уже для нас того очарования, под которым мы выросли и в которое облеклись для нас все лучшие мгновения жизни. Мы будем участвовать в новых радостях только умом, а не сердцем. Лучшие явления духа вполне и достойно оцениваются сочувствием, а не размышлением. Для сочувствия необходимо слияние всех звуков жизни, из которых в новом поколении многие нам чужды. За покинувшим нас современником мы обращаемся скорее к прошедшему и с грустию привыкаем к той мысли, что полный период наш уже совершился. Таким образом, смерть одного человека заставляет нас убедиться, что лучшая жизнь наша кончилась.

С не меньшею силою, увлекательностию и истиною автор статьи характеризует истинный талант:

Для него нет избранного рода, нет недоступной красоты и отверженного предмета. Не принадлежат исключительно какому-нибудь одному классу читателей, он обходит их круги, и его жизнь становится всеобщим источником наслаждений. В эфемерном ли периодическом издании или в летучей брошюре, на полновесной ли книге или под коротенькими строчками встречается его магическое имя, повсюду блестит оно яркой звездочкой, и появление этой алмазной точки на небосклоне литературном есть уже эпоха для всех и каждого. Нам радостно при этом только светиле. Один блестящий ум мгновенным лучом своим более озаряет перед нами истин жизни, нежели все собиратели чужих суждений. Его средства так легки и просты, но в то же время так верны, что мы часто не понимаем, чем они действуют на нас. Ужели эта сказка, в которой ни одного нет восторженного слова, гигантского характера, ни одного

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru трагического или идеально-карикатурного положения, лучше той повести, блещущей новизною языка, избытком удивительных событий, сцеплением внезапностей и поразительною развязкою? А неподкупное чувство, эта совесть ума, настойчиво нас увлекает к первой, опять в тот счастливый мир простоты и истины, где нам все так близко, где всему так верится. И вот почти бессознательно, по какому-то моральному инстинкту, целое поколение молча оживляется при одном только голосе, окружает себя созданиями разнообразными, но возникшими по одному призванию; все поколение с непонятною ревностью, похожею на жадность корыстолюбца, собирает эти сокровища и не может насытиться приобретениями. Душа, как необъятная бездна, принимает все сии дани. И если судьба на столько требований внезапно возвещает роковой отказ, – потрясение бывает всеобщее: оно так естественно, как при разрыве напряженных сил.

Умалчивая о многих прекрасных местах статьи, выпишем два следующие, в которых автор говорит о влиянии Пушкина на общество и впечатлении, которое произвел он на него своею безвременною смертию.

Утраченный Россиею поэт, которого характеристику, равно как и его произведения, долго будут изучать поклонники искусства, прошел все степени, назначаемые природою для подобных ему талантов. В истории нашей литературы нет примера, кто бы возмужал независимее его и быстрее. Нет примера, кто бы сделался более властительным во всех классах читателей, не низводя достоинства призвания его. Имя его как поэта произносилось во всех концах обширной России. Явление каждого нового его сочинения пробуждало любопытство и участие людей, самых незаботливых о словесности. Даже иностранцы, для которых русские звуки еще невняты, внесли его имя в список знаменитых людей. Они могли судить о нем только по переводам. Но кто передаст на другом языке эти стихи и эту прозу, не изменив их физиономии? Для нас в нем было все полно жизни и сочувствия. Литература наша с его именем соединяла все свои блестящие надежды.

Мы потеряли поэта в его лучшие годы. Смерть его произвела не жалость, но какое-то оцепенение. Странно было слышать, но мучительнее уверить себя в утрате, к которой ничто не приготовляло. О нем можно сказать, что смерть не похитила его, но оторвала от нас. Чувство, испытанное современниками в эту минуту, не принимало обыкновенных оттенков, смотря по различию характеров и отношений: оно выразилось ровным болезненным содроганием. Теперь время и размышление привели душу в другое состояние: она измеряет пространство, отделявшее великого поэта от его последователей, и задумчиво смотрит на судьбу благородного искусства, в котором так много народной славы.

Нужно ли говорить, что все это прекрасно и глубоко верно? Такие вещи говорят сами за себя; а нам только странно, что такие прекрасные места (а их больше, нежели сколько мы выписали) как-то слишком ярко отсвечиваются ото всего остального. Что же касается до статьи «Праздник в честь Крылова», статьи, как кажется, писанной той же самою рукою, – то мы, признаемся, не поняли ее. Нам кажется, что автор статьи нисколько не определил того, что хотел определить, – ни значения басни как рода поэзии, ни значения Крылова как русского баснописца и поэта. По нашему мнению, басня есть поэзия конечного рассудка, поэзия ходячей, житейской, практической философии народа. Не чувство бесконечного порождает эту поэзию, и не таинство жизни составляет ее содержание: ее одушевление есть веселость, ее содержание есть житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта. Как всякая поэзия, и басня говорит образами: она рисует и осла, и лисицу, и льва, и соловья; первый у нее добродушно глуп, вторая увертливо хитра, третий грозно могущ, а четвертый... но портрет четвертого вот как изобразил дивный живописец:

Защелкал, засвистал, На тысячу ладов тянул, переливался, То нежно он ослабевали томной вдалеке свирелью отдавался, То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался. Но если она так верно, так характеристически рисует животных, то еще лучше, вернее рисует она людей – толстого откупщика, который не знает, куда ему деваться от скуки с деньгами, – и бедного, но довольного своею участью сапожника; повара-резонера и недоученного философа, оставшегося без огурцов от излишней учености; мужиков-политиков и пр. . В этом-то и заключается поэтическая сторона басни: она есть маленькая драма, в которой находятся свои типические характеры, свои оригинальные индивидуальности. Но у ней есть еще другая сторона, столь же важная и еще более характеристическая, – сторона рассудка, который рассыпается лучами остроумия, сверкает фейерверочным огнем шутки и насмешки. Но и в этом есть своя поэзия, как во всяком непосредственном, образном передавании истины. Самые поговорки и пословицы народные, в этом смысле, суть поэзия, или, лучше сказать, суть начало, первая точка отправления поэзии. Басня, в отношении к поговоркам и пословицам, есть высший род, высшая поэзия.

Всякий человек, выражающий в искусстве жизнь народа или какую-нибудь из ее

сторон, всякий такой человек есть явление великое, потому что он свою жизнь выражает жизнь миллионов. Крылов принадлежит к числу таких людей. Он баснописец, но это еще не важно; он поэт, но и это еще не дает патента на великость: он баснописец и поэт народный – вот в чем его великость, вот за что издания его басен, еще при его жизни, зашли за 30 000 экземпляров, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. В этом же самом заключается и причина того, что все другие баснописцы, пользовавшиеся не меньшею Крылова известностью, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать, до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского. Кто хочет изучить язык русский вполне, тот должен познакомиться с Крыловым. Сам Пушкин не полон без Крылова, в этом отношении. Эти идиомы, эти руссицизмы, составляющие народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, уловлены Крыловым с невыразимою верностию.

Вот как понимаем мы Крылова. Может быть, наше понятие о нем неверно, ложно, но по крайней мере всякий может видеть, в чем оно состоит; а этого-то именно мы и не находим в статье «Праздник в честь Крылова». Автор ее говорит и то и другое, говорит много и, может быть, хорошо: только мы не можем сказать, что именно говорит он, потому что основная идея его статьи затемнена словами, которые бы должны были ее выразить.

Маленькая статейка «Александр Пушкин» примечательна и драгоценна тем, что содержит в себе два небольшие отрывка из частных писем великого поэта. Первый относится к его поэме «Полтава», а второй касается до смерти Дельвига . Выписываем тот и другой:

Наши критики, разбирая «Полтаву», упомянули о байроновом «Мазепе». Они его не понимают. Старый гетман, предвидя неудачу, бранит, в моей поэме, молодого Карла и называет его мальчиком и сумасшедшим. Критики, со всею важностию, укоряют меня в неосновательном мнении, о шведском короле. В одном месте у меня сказано, что Мазепа ни к чему не был привязан. Чем же опровергают меня критики? Они ссылаются на собственные слова Мазепы, уверяющего Марию в моей поэме, что он любит ее больше славы, больше власти! Так им понятно, так знакомо драматическое искусство! Еще замечают, что заглавие моей поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее «Мазепой», чтоб не напомнить о Байроне. Это частью справедливо. Но была у меня и другая причина, которой, конечно, никто из них не подозревает: эпиграф. Так и «Бахчисарайский фонтан» первоначально назван был «Гаремом», но меланхолический эпиграф, который беспорно лучше всей поэмы, соблазнил меня. Байрон знал Мазепу по вольтеровой истории Карла XII.

Байрон поражен был только картиной человека, связанного на дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая. И зато посмотрите, что он из нее сделал! Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного характера, который проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду моим критикам) в Мазепе именно и нет. Байрон и не думал о нем. Он выставил ряд картин, одна другой разительнее. Вот и все. Но какое пламенное создание, какая широкая, гениальная кисть! Если же бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего предмета.

Чем больше думаю, тем сильнее чувствую, какой отвратительной предмет для художника в лице Мазепы! Ни одного доброго, благородного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, – вот что увлекало меня. «Полтаву» написал я в несколько дней; долее не мог бы ею заниматься и бросил бы ее.

21 генв. 1831. Москва. Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему все – и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд; я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался в виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считаю по пальцам, сколько нас? ты, я, Б...и, вот и всё. Вчера провел я день с и ***, который сильно поражен его смертью. Говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся: покойник Дельвиг – быть так. Б...и болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров и постараемся быть живы.

Тут нет громких фраз, нет восклицаний, но есть нечто такое, чего нельзя назвать и что свидетельствует о глубокой грусти глубокой души... Это не для всякого ясно... Но Пушкин и не хлопотал о том, чтобы все его понимали. «Лучшие движения сердца

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru
своего (говорит автор статейки) считал он домашним делом и не любил выказывать их. Он хранил их для тесного круга друзей, преимущественно для своих лицейских товарищей, которых любил неизменно».

Но и здесь еще не конец хорошим прозаическим статьям «Современника»: они оканчиваются небольшою, но интересною статьею «Крымские предания». Следующая выписка даст о ней лучшее понятие:

Татарский миф о Фортуне

Фортуна у татар почитается богинею. По их преданиям, она сошла с неба отыскивать своего сына, скитающегося по земле. Лица у ней нет, а есть один только глаз на самой макушке. Она ловит и схватывает по дороге первого прохожего, почитая его своим сыном, а чтобы в этом удостовериться, поднимает его все выше, до тех пор, пока глазом своим может взглянуть на него. Убедясь, что она ошиблась, бросает его с высоты наземь и снова продолжает ловить проходящих, в надежде отыскать сына своего, и с каждым поступает одинаково. Вот отчего, вероятно, возвышения сей богини так непрочны.

Переходим к стихотворному отделению.

На нынешний раз оно так бедно, что мы не заговоримся о нем. Пушкинских стихотворений только два. «Кто знает край» есть род какого-то отрывка, где все как-то полупрозрачно, в полусвете, как будто недосказано; даже нам сдается, что это чуть ли не варианты из «Онегина», если не отрывок из него, хотя отсутствие правильных стрóf и противоречит нашей догадке.

С какою легкостью небесной Земли касается она! Какою прелестью чудесной Во всех движениях полна! Эти четыре стиха напоминают следующие четыре стиха из VII главы «Онегина»:

С какою гордостью небесной Земли касается она! Как негой грудь ее полна! Как томен взор ее чудесный! Но что бы ни напоминало собою и что бы ни было стихотворение «Кто знает край» – отрывок или целое, вариант или оригинальное – оно стихотворение Пушкина, не по подписи этого волшебного имени, а по своему художественному достоинству.

Другое стихотворение «Последние цветы» выказывает одно из таинств души и жизни человеческой и в своих простых безыскусственных формах блестит таинственную красотой творчества. Вот оно:

Цветы последние милей Роскошных первенцев полей. Они унылые мечтания живее пробуждают в нас. Так иногда разлуки час живее самого свиданья. После этих двух стихотворений Пушкина замечательны только следующие: «Тайные думы» гр-ни Е. Р-ной: в нем прекрасными, полными души и чувства стихами воспеваются достоинства одной высокой особы, имени которой мы не смеем угадывать...

Ей внятн, ей знаком и глас небес далеких, И нищеты призыв, и стон земных скорбей; Слезу несчастного, поэта вдохновенье, Молитвы благодать – все, все поймет она: В душе ее живут восторг и умиленье, И тихая мечта ей на удел дана. Потом «Stabat Mater», перевод Жуковского. По желанию ее императорского высочества государыни великой княгини Елены Павловны, 4 марта нынешнего года была исполнена знаменитая музыка этой религиозной песни, вследствие чего и был сделан ее перевод. Он второй на русском языке: первый принадлежит Шевыреву.

Наконец, стихотворение г. Кольцова «Царство мысли», дышащее теплотою чувства и отличающееся возвышенностию идеи. Кстати: примечателен, хотя и в другом совсем смысле, перевод «Мазепы» Байрона, помещенный целиком. Не будем входить в подробности, а скажем вообще, что одно содержание, само по себе, еще не составляет поэзии, которая состоит в форме; а если Байрон выражал содержание своих поэм в таких формах, каким г. Я. Г. передал одну из них, то напрасно он пользуется славой великого, гениального поэта. Впрочем, г. Я. Г., как кажется, сам это чувствовал и потому просит прощения у тени Байрона за перевод его творения в следующих непоэтических стихах:

О, если до тебя, венчанный славой бритт, На брег Элизия мой голос долетит – Незрелых сил моих простишь ли покушенья? Я слабою рукой твое произвенье На почву родины дерзнул пересадить; Напев твой я дерзнул смиренно повторить На громком языке отеческой державы, и прочая.

Остальные стихотворения не заслуживают особенного внимания ни в каком отношении – виноваты! – из них должно исключить одно – «Мысль» Баратынского: оно особенно отличается необыкновенною художественностию своих поэтических форм: это истинная творческая красота. Вот оно:

Сначала мысль, воплощена в поэму сжатую поэта, Как дева юная, темна для невнимательного света; Потом, осмелившись, она уже увертлива, речиста, Со всех сторон своих видна, как искушенная жена в свободной прозе романиста; Болтунья старая, затем, она, подъявля крик нахальной, Плодит в полемике журнальной давно уж ведомое всем. Заключим наш разбор IX тома «Современника» замечанием, что он значительно улучшился в типографическом отношении и теперь стал одним из

Белинский В. Литературная хроника belinskiyvissarion.ru
красивейших повременных изданий.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!